

Научно-исследовательская

УДК 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.01

ПАРАДИГМАЛЬНЫЙ ПОДХОД К АНАЛИЗУ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

О. А. Устинов

Культурно-просветительский центр «Дубрава» им. протоиерея А. Меня,
Парковая ул., 16, Сергиев Посад, Московская обл., Россия, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Аннотация. Статья посвящена проблеме применения парадигмальной методологии Т. Куна к изучению философских учений о человеке. Обосновывая и раскрывая понятие «философско-антропологическая парадигма» как совокупность теоретических, методологических и иных принципов и установок, принятых философами той или иной интеллектуальной ориентации в качестве общего стандарта постановки и решения проблем человека, автор разрабатывает историко-философскую концепцию существования в русской философии двух базовых парадигм — религиозно-философской и философско-научной. Ведущими методами в исследовании являлись методы парадигмального подхода Т. Куна (метод дисциплинарной матрицы, парадигмально-генетический метод, парадигмально-исторический метод, парадигмально-перестроечный метод), адаптированные к анализу историко-философских феноменов. Анализ структуры каждой парадигмы построен на выявлении и изучении составляющих и определяющих ее развитие основных элементов, к которым отнесены проблема антропологического идеала, проблема соотношения духа, души и тела или социального и биологического в сущности человека, проблема соотношения свободы и необходимости, свободы внешней и свободы внутренней, проблема смысла жизни, проблема соотношения личности и общества. В работе представлены результаты выполненной автором историко-философской реконструкции структуры, содержания и специфики эволюции религиозно-философской и философско-научной парадигм в русской философии советского периода. Также анализируются основные формы и характер

взаимодействия адептов двух указанных парадигм от взаимного отрицания до появления предложений о необходимости диалога между ними с положительным удержанием в обоих случаях концептов, имеющих значение для всестороннего познания феномена человека. Высказывается гипотеза о том, что верифицированное выявление и обоснование базовых парадигм в русской философской антропологии позволяет найти теоретико-методологический ключ к более глубокому пониманию и изучению антропологического кода в русской интеллектуальной традиции.

Ключевые слова: Томас Кун, парадигмальная методология, философско-антропологическая парадигма, антропологический идеал, гуманизм, человек, биологическое и социальное, свобода и необходимость, смысл жизни, личность и общество, марксизм

Для цитирования: Устинов О. А. Парадигмальный подход к анализу антропологических концепций в русской философии советского периода // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». 2022. № 2 (42). С. 6–19. DOI: <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.01>

Scientific Research

UDC 1(091)

DOI: 10.25688/2078-9238.2022.42.2.01

PARADIGMATIC APPROACH TO THE ANALYSIS OF ANTHROPOLOGICAL CONCEPTS IN RUSSIAN PHILOSOPHY OF THE SOVIET PERIOD

Oleg A. Ustinov

Cultural and Educational Center “Dubrava” named after Archpriest A. Men,
Parkovaya str., 16, Sergiev Posad, Moscow region, Russia, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Abstract. The article is devoted to the problem of adaptation and application of T. Kuhn’s paradigmatic methodology to the study of philosophical doctrines about man. The author substantiates and reveals the concept of «philosophical-anthropological paradigm» as a set of theoretical, methodological and other principles and attitudes adopted by philosophers of a particular intellectual orientation as a general standard for setting and solving human problems. The article develops a historical and philosophical concept of the existence of two basic paradigms in Russian philosophy — religious-philosophical and philosophical-scientific. The leading methods in the study were the methods of T. Kuhn’s paradigmatic approach (the «disciplinary matrix» method, the paradigmatic-genetic method, the paradigmatic-historical method, the paradigmatic-perestroika method) adapted to the analysis of historical and philosophical phenomena. The analysis of the structure of each paradigm is based on the identification and study of the components and determining its development of the main elements, which include the problem of the anthropological ideal, the problem of the relationship of spirit, soul and body or social and biological in the essence of man, the problem of the relationship of freedom and necessity, external freedom and internal freedom, the problem of the meaning of life, the problem of the relationship of personality and society. The paper presents the results of the author’s historical and philosophical

reconstruction of the structure, content and specifics of the evolution of religious-philosophical and philosophical-scientific paradigms in Russian philosophy of the Soviet period. The main forms and nature of the interaction of adherents of the two paradigms are also analyzed, from mutual denial to the appearance of proposals on the need for dialogue between them with positive retention in both cases of concepts that are important for the comprehensive knowledge of the human phenomenon. Hypothesizes that the verified identification and substantiation of the basic paradigms of Russian philosophical anthropology makes it possible to find a theoretical and methodological key to a deeper understanding and study of the «anthropological code» in the Russian intellectual tradition.

Keywords: Thomas Kuhn, paradigm methodology, philosophical and anthropological paradigm, paradigmatic methodology, anthropological ideal, humanism, man, biological and social, freedom and necessity, the meaning of life, personality and society, philosophical anthropology, marxism

For citation: Ustinov, O. A. (2022). Paradigmatic Approach to the Analysis of Anthropological Concepts in the Russian Philosophy of the Soviet Period. *MCU Journal of Philosophical Sciences*, 2 (42), 6–19. <https://doi.org/10.25688/2078-9238.2022.42.2.01>

Введение

Принято считать, что проблема человека занимает центральное место в отечественной философии. Все российские мыслители так или иначе обращались к антропологическим сюжетам, и поэтому сложившийся в результате их научной деятельности корпус знаний должен изучаться как самостоятельный и целостный феномен. Для решения этой задачи корректным и продуктивным является, на наш взгляд, парадигмальный подход, разработанный Т. Куном.

Парадигма (от *греч.* *paradigma* — пример, образец) представляет собой изучение и объяснение различных процессов и явлений через призму гносеологической и онтологической модели, признанной академическим сообществом в каждый конкретный исторический период в качестве эвристически действующей. Понятие парадигмы, таким образом, включает в себя не только дисциплинарную матрицу, общепринятый образец исследования, то есть систему основных понятий, категорий, формулировок, концепций, предположений, методологических стандартов, правил, ценностных установок, но и определенное видение мира, общую картину устройства и функционирования мироздания. Гносеологическая и онтологическая составляющие парадигмы находятся в сложной взаимосвязи, обуславливают друг друга.

Выполнив теоретическую реконструкцию исторического развития науки, Т. Кун выделил сменяющие друг друга периоды «нормальной науки» и «научной революции», когда та или иная парадигма является единственной базовой схемой исследования ровно до тех пор, пока ее не вытеснит новая (хрестоматийный пример Т. Куна — приход коперниканской астрономии на смену астрономии Птолемея как выражения истинного знания о природе).

Постановка проблемы

Методологическая стратегия Т. Куна с самого начала вызвала на Западе серьезную дискуссию [Котлярова, 2014, с. 90–94] и до сих пор обсуждается всесторонне [Schwartz, 2018, p. 254–261; Klang, 2019, p. 233–260; Trubody, 2019, p. 67–83; Sciortino, 2021, p. 128–137; Pirozelli, 2021, p. 277–304; Anand, Larson, Mahoney, 2020, p. 1650–1657; Grim, Kavner, Shatkin, Trivedi, 2021, p. 301–325]. Ряд ученых указывают на то, что парадигмальный подход амбивалентен, имеет не только позитивные, но и негативные аспекты, с чем до некоторой степени соглашался и Т. Кун («за неимением лучшего»). Однако предложенная им методология завоевывает все большее количество сторонников в самых разных областях знания [Schwartz, 2018, p. 254–261; Thomas, 2020, p. 1415–1424; Jabko, Schmidt, 2021, p. 565–572; Yang, 2021, p. 506–545, Sønning, Werner, 2021, p. 1179–1206]. Если применение методологии Т. Куна еще требует в каждом конкретном случае обоснования, то терминология его уже принята практически повсеместно [Laszlo, 2021, 328 p.; Fish, 2021, p. 23–42].

Значительный вклад в определение эвристической ценности парадигмального подхода внесли и отечественные ученые, которые не только исследовали и продолжают исследовать разработки Т. Куна [Ермолаева, 2008, с. 163–169; Сомкин, Сомкина, 2014, с. 115–117; Никифоров, 2020, с. 161–164; Масланов, 2020, 157–160], но и активно апробируют ее в рамках гуманитарных [Суворов, 2021, 195 с.], и в частности философских и историко-философских, исследований [Просветов, 2013, с. 234–238].

Однако в философии нет такой парадигмы, монополизм которой был бы связан с аннигиляцией остальных. В философии парадигмы соизмеримы. Они также могут доминировать, но не исчезают, а продолжают сосуществовать, что объясняется плюрализмом философского познания, его личностным характером, диалогизмом и преемственностью [Ермолаева, 2008, с. 166]. Феномен полипарадигмальности является одной из главных особенностей применения парадигмальной методологии в философии.

Под термином «философско-антропологическая парадигма» можно понимать совокупность теоретических, методологических и иных принципов и установок, принятых философами той или иной интеллектуальной ориентации в качестве общего стандарта постановки и решения проблем человека.

Методология исследования

Изучение философско-антропологических парадигм строится на аналитической реконструкции философских учений о человеке с опорой на основные методы парадигмального подхода Т. Куна (метод дисциплинарной матрицы, парадигмально-генетический метод, парадигмально-исторический метод, парадигмально-перестроечный метод).

Наиболее общими моделями в русской философии являются религиозно-философская и философско-научная парадигмы, к которым может быть сведено многообразие антропологических концептов в конечном итоге [Бабинцев, Кривенко, 2011, с. 30–43]. При этом, как и отмечал Т. Кун, «исследовательская программа» здесь тесно связана с «видением мира». Религиозно-философский подход основывается на учении о человеке как творении Божиим и рассматривает проблемы свободы воли, духовности, творчества, назначения и смысла жизни сквозь призму христианской антропологии. Научно-философский подход сконцентрирован на понимании человека в соответствии с данными анатомии, физиологии и социологии как природного и социального существа, характеризующегося разумом и практически-деятельным отношением к миру.

Если попробовать дать анализ структуры философско-антропологической парадигмы с точки зрения определяющих ее развитие основных элементов, то к этим элементам могут быть отнесены проблема антропологического идеала как желанного образа наилучшей версии человека, сверхзадачи развития личности, проблема соотношения духа, души и тела или социального и биологического в сущности человека, проблема соотношения свободы и необходимости, свободы внешней и свободы внутренней, проблема смысла жизни и связанная с ней проблема этики, проблема соотношения личности и общества.

На всех этапах развития парадигма как рамочная конструкция сохраняла достаточную широту, включая различные вариации решения проблем человека тем или иным мыслителем. Частное выражалось в парадигме через общее, не оспаривая его и не вступая с ним в противоречие.

Под воздействием внешних и внутренних факторов (политических и культурных изменений, введения в научный оборот новых источников, критики устоявшихся теорий и выдвижение новых гипотез, апробация новых методологических практик) уровень изучения и понимания этих вопросов существенно менялся. А изменение структурных элементов парадигмы вело к ее эволюции как в частностях, так и в целом.

Результаты исследования

В русской культуре X – начала XX вв. «матрицей» решения проблемы человека являлась православная антропология, которая была заимствована в Древней Руси из Византии в ее преимущественно спиритуалистической версии. Человек рассматривался как созданная Богом духовная сущность, имеющая телесную оболочку, цель существования которой саморазвитие с последующим метафизическим переходом в Царствие Небесное. Рецепция византийского извода христианских идей не сопровождалась попытками их самостоятельных интерпретаций.

Эволюция сложившихся воззрений на феномен человека была связана с внешними факторами — в XIV в. диффузией азиатской культуры с ее авторитарными ценностями (отходом от примата личности в сторону абсолютизма), в XVII–XVIII вв. началом модернизации России по западному типу (усвоением европейского рационального взгляда на человека как естественное существо и обусловлено им новыми решениями проблем свободы и необходимости, смысла жизни, личности и общества).

Далее в условиях отхода части философов от догматики сформировалось религиозно-философское представление о человеке, в котором библейские трактовки были реинтерпретированы, в частности, за счет мистических идей так называемый свободного христианства. Многие мыслители стали полагать, что человек не просто обладает Богоподобием, которое проявляется в его разумности, свободе и бессмертии, но и в известной мере равен Богу как сын — Отцу. В результате человек был «открыт» ими как «второй Абсолют», Со-Творец. Но и эта инновационная антропологическая трактовка не утратила свойственной русской мысли спиритуалистической односторонности. Проблемы природы человека, его психики и сознания по-прежнему находились в данной парадигме на периферии.

Философско-научная парадигма сформировалась на фоне открытий в естествознании и роста популярности материализма в XIX – начале XX вв. Теоретически марксизма, закреплявшие взгляд на человека как на естественное (био-социальное) существо, дали материалистическую трактовку всему спектру философско-антропологических вопросов и заявили о возникновении нового антропологического дискурса. Однако неприятие марксистами религиозно-философских идей как ложных и отсутствие у них интереса к проблемам внутреннего (духовного мира) личности сообщило философско-научной модели односторонний характер.

Репрезентативным с точки зрения анализа сущности, структуры и развития двух указанных подходов является советский период русской философии, на который пришлось знаковые события: формирование и институционализация научно-философской парадигмы; маргинализация и реабилитация религиозно-философской парадигмы; взаимодействие между парадигмами, происходящее на фоне взаимного неприятия, но сопровождающееся периодически возникающими инициативами о необходимости диалога между ними и даже относительной конвергенции их идей.

В 1920–1940-е гг. религиозно-философская парадигма продолжила свое развитие на маргинальном уровне. В СССР философы-идеалисты вынуждены были вести подпольное или полуподпольное существование, и в этих условиях часть из них (А. Ф. Лосев, А. А. Мейер и др.) вернулась в сферу богословия, признав православную догматику в качестве аксиомы идейного поиска и отказавшись от концепции «второго Абсолюта». Другая часть (М. М. Рубинштейн, М. М. Бахтин, Я. Э. Голосовкер и др.) приступила к конструктивному осмыслению марксизма и выполнила арелигиозный анализ антропологического

проблемного поля с вынесенными в затекст метафизическими смыслами. Общим для них по-прежнему оставалось понимание человека как созданного свыше (Богом, или Космическим разумом) нравственного, свободного и творческого существа, цель жизни которого духовное самосовершенствование и преобразование бытия в спиритуалистических или спиритуалистически интерпретированных материальных формах. Таким образом, на наш взгляд, в этот период религиозно-философская модель вошла в следующую фазу эволюции, которая была не менее интенсивной и интересной по качеству антропологических решений, чем история ее развития до 1917 г.

В 1950–1970-е гг. снятие ряда идеологических запретов способствовало частичному выходу религиозно-философской парадигмы в пространство официальной философии, где она начала негласно, но достаточно активно подаваться как конкурентоспособная модель решения антропологических. Внутри парадигмы укрепились и продолжили свое сосуществование два указанных направления. Первое, в основе которого лежало сближение религиозной философии с православным или индо-буддийским богословием, и второе, в центре которого находилось сближение религиозной философии с естественными и гуманитарными науками. Однако второе направление в этот период стало опережать первое, будучи поддержанным целой группой философов (А. В. Мень, Б. Д. Дандарон, М. К. Мамардашвили, Г. С. Батищев, И. Д. Левин и др.). Сформулированные ими решения (интерпретация человеческой природы как Богосотворенной, но материальной, анализ взаимосвязи внешней и внутренней свободы, акцент на творческой самореализации личности на земле как этапа на пути к внеземному блаженству, попытка найти механизмы согласования интересов личности и общества не только в проповеди любви и толерантности, но и в особой организации политической системы) вытекал из попытки объединить религию и науку в понимании человека как двух способов изучения одного и того же предмета. Сугубо метафизическая концепция человека была признана ими недостаточной. Линия Мень – Дандарона могла в дальнейшем серьезно повлиять на трансформацию религиозно-философской модели и стать своеобразным мостом, ведущим ее сторонников к диалогу со сторонниками философско-научной модели.

В годы перестройки начался процесс реабилитации, восстановления и активной разработки религиозно-философской модели. Философы-идеалисты получили в этот период право на участие в научных исследованиях, но от работы в интересах сближения религиозной философии и науки большинство из них отказались. В условиях свободы исследований они сделали выбор в пользу дальнейшего движения религиозной философии в сферу богословия. Адекватный парадигмальный образ человека мыслился ими как реконструкция христианского антропологического идеала, закрытого и для претенциозных размышлений о «втором Абсолюте», и для коррекции со стороны научной критики религии. Были реконструированы и закреплены традиционные для религиозно-философской модели до 1917 г. идейные схемы: приоритет души

над телом, негация (отрицание) внешней свободы, спиритуалистическое толкование смысла жизни, спиритуалистическая трактовка оптимального соотношения личности и общества. В результате адепты религиозно-философской модели отказались от ряда перспективных и собственно научных наработок прошлого периода, понятых де-факто как «вынужденные уступки». Финальная точка эволюции парадигмы в 1991 г. оказалась точкой своеобразного «обнуления» ее развития и реставрации ее концептосферы дореволюционного образца.

Философско-научная парадигма в СССР получила статус доминирующей. Прав С. Н. Корсаков: именно в этот период впервые в истории России философские исследования, освободившись от обязательных прежде доминант религиозного соответствия, приобрели собственно научный характер [Корсаков, 2015, с. 74]. Однако провозглашение материализма государственной доктриной совпало с его «болезнью роста», проявлениями которой были инерция вульгарных, взаимоисключающих экономико-детерминистской и субъективно-идеалистической интерпретаций классического марксизма. Антропологический идеал целостного, то есть всесторонне развитого, свободного и творческого человека, разработанный К. Марксом, не был реконструирован, и центральным элементом советской философской антропологии стал человек — «живая вещь», жизнь которой детерминируется социальными условиями, видоизменять которые с целью создания «нового человека» официально взялась коммунистическая партия. Широкое распространение получили деперсонализированные трактовки личности как «совокупности общественных отношений», отрицание априорной ценности личности и ее самостоятельности в истории, обязательный и единый для всех стандарт жизненных стратегий, и примат общества над личностью, за которым скрывался партоцентризм и вождизм как его логическое завершение. Эта сложная ситуация начала тем не менее выправляться в середине – конце 1920-х гг. усилиями ряда «ищущих марксистов» (Н. И. Бухарин и др.), которые обратились к изучению трудов К. Маркса и В. И. Ленина и выступили с инициативой усложнения и гуманизации философско-научной парадигмы.

В 1930–1940-е гг. ознаменовались глубоким кризисом философско-научной модели, спровоцированным политическими причинами. Режим личной власти И. В. Сталина востребовал наиболее вульгарные трактовки марксистской антропологии: репрессивные стратегии антропотехники, образ человека как «винтика» или орудия системы, микс социологизаторской и биологизаторской концепций человеческой природы, апологию ключевой роли в истории лидеров партии, стандартизацию представлений о смысле жизни, апологию теории классовой войны и борьбы с внутренними врагами, грубый социоцентризм, неотличимый на деле от вождизма. Противоположная этому инструментально-функциональному подходу к человеку тенденция к гуманистической реинтерпретации марксизма, провозглашавшая человека высшей целью и ценностью развития общества в соответствии с аутентичной реконструкцией антропологического идеала К. Маркса («бухаринская альтернатива»), заявила

о себе в начале – середине 1930-х гг. Философские исследования удачно дополняли и корректировали в этот период психологические исследования субъектно-деятельностной природы человека (С. Л. Рубинштейн, Л. С. Выготский и др.). Но реализована данная тенденция не была, многие из ее сторонников погибли в ходе сталинского террора.

Актуализация философско-научной парадигмы произошла в СССР только в годы хрущевской оттепели, когда новое поколение философов обратилось к ранним работам К. Маркса и выполнило реконструкцию его исходного антропологического идеала. Марксистская философия была осмыслена ими как философия гуманизма. Критикуя ряд редуций классического марксизма, но не вступая в открытое противоборство с академическими кругами, они фактически продолжили разработку «бухаринской альтернативы». Результатом этих процессов стало обновление парадигмы, не носившее характера радикальных изменений. Концепт целостного человека, самостоятельной и самоценной личности как цели социализма все еще соседствовал с массивной интерпретацией человека как «совокупности общественных отношений», прямолинейным приоритетом социального над биологическим в анализе человеческой природы, максимой о партии как субъекте общественно-исторической деятельности, традиционной стандартизацией жизненной стратегии, классов и социоцентризм. Вместе с тем ряд мыслителей-новаторов (Г. П. Щедровицкий и др.) негласно разрабатывали субъектно-деятельностные теории личности и подготавливали эволюцию парадигмы на следующем этапе ее развития. В этот период в СССР фактически произошло становление философской антропологии как науки [Устинов, 2019, с. 492–503].

Процесс институционализации философско-научной модели завершился в годы перестройки в условиях утверждения на государственном уровне гуманистической интерпретации марксизма как творческого «возвращения к Марксу». Советские философы активно поддержали инициативу И. Т. Фролова о создании «единой науки о человеке», синтезирующей результаты актуальных социальных и естественно-научных исследований. Упор на строго научное изучение человека как свободного, творческого и нравственного субъекта бытия, ценность которого абсолютна, повлекла за собой закрепление в антропологическом дискурсе таких концептов, как динамическое единство в человеке социального и биологического, необходимости внешней и внутренней автодетерминации, самореализации личности в процессе развития ее талантов и способностей, а также понимания развитого индивидуализма как развитого коллективизма. Выявление и устранение вульгарных упрощений марксизма, замедлявших его развитие в предшествующий период, привели к усложнению и углублению ее базовых концептов и обусловили ее самую серьезную трансформацию на протяжении всего XX в. Распад СССР в 1991 г. обернулся крахом этого идейного движения, и многие его достижения были утрачены. До сих пор они не отрефлексированы и не изучены в полном объеме.

Сосуществование и взаимодействие антропологических парадигм в русской философии советского периода может рассматриваться как наиболее драматический и вместе с тем наиболее продуктивный этап в их совместной истории с XI по XX в., включавший в себя как фазы одностороннего отрицания, так и фазы одностороннего сближения при исключительно короткой взаимной готовности к конструктивному диалогу с позиции формирования некоего «цельного знания». Так, если в 1930–1970-е гг. некоторые философы-идеалисты отнеслись к учению оппонентов с научной объективностью и интересом и даже заимствовали ряд материалистических идей при отказе от отхода от базовых принципов защищаемой ими парадигмы, то философы-материалисты оказались способны непредвзято воспринимать концепты идеалистической антропологии, и в ряде случаев фактически даже переходить в лагерь противников, только к 1960-м гг., а выступить с инициативой признания ее научной релевантности лишь к концу 1980-х гг., когда философы-идеалисты уже отказались от сближения с противниками и предпочли вернуться к состоянию религиозно-философской парадигмы до 1917 г. Завоеванием XX в. тем не менее можно считать переход исследователей обоих направлений от «войны» парадигм к «миру» при взаимном отказе от их слияния в некую синтезированную модель решения проблем человека, несмотря на отдельные инициативы создания таковой.

Заключение

Таким образом, использование парадигмального подхода Т. Куна, адаптированного к изучению философских учений о человеке, позволяет провести комплексное исследование антропологических парадигм в советской философии с подробной реконструкцией и анализом процессов их формирования, эволюции, характера и форм взаимодействия. Результаты данного анализа дают теоретико-методологические основания для дальнейшего верифицированного и более глубокого изучения и осмысления антропологического кода русской философии, переходя от рассмотрения общих вопросов к вопросам частным не только в досоветский и советский, но и в постсоветский периоды. Не менее значимым может быть и обращение современных ученых к проблемам целостного знания, наработки в области которого могут помочь в определении активно обсуждаемых сегодня задач перспективного развития наук о человеке в XXI в. [Бирич, 2003, с. 272; Буданов, 2021, с. 40–43; Аршинов, 2021, с. 44–48].

Список источников

1. Аршинов В. И. Эволюция антропоцентризма в перспективе сложностного подхода // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 44–48. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-44-48>
2. Бабинцев В. П., Кривенко О. А. Понятие религиозно-философской и философско-научной антропологических парадигм в русской философии [Электронный

ресурс] // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 8 (103). Вып. 16. С. 30–43. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskikh-paradigm-v-russkoy-filosofii>

3. Бирич И. А. Философская антропология и образование (на путях к новому педагогическому сознанию). М.: Жизнь и Мысль, 2003. 272 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>

4. Буданов В. Г. К вопросу о генезисе Большого антропологического перехода // Вопросы философии. 2021. № 10. С. 40–43. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-40-43>

5. Ермолаева О. А. Основные принципы, методы и уровни современного парадигмального подхода [Электронный ресурс] // Вестник Нижегородского ун-та им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2008. № 1 (9). С. 163–168. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12499729>

6. Корсаков С. Н. Мифы и истины в русской философии [Электронный ресурс] // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 69–85. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23447380>

7. Котлярова В. В. Парадигмальный подход в зарубежной философии: pro et contra [Электронный ресурс] // Альманах современной науки и образования. 2014. № 10 (8). С. 90–94. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21961156>

8. Масланов Е. В. Революционная консервативность нормальной науки // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 157–160. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-157-160>

9. Никифоров А. Л. Т. Кун об интерпретации и понимании // Вопросы философии. 2020. № 12. С. 161–164. DOI: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-161-164>

10. Просветов С. Ю. Структура историко-философской парадигмы [Электронный ресурс] // Вестник Кемеровского гос. ун-та. Журнал теоретических и прикладных исследований. 2013. № 2 (54). Т. 1. С. 234–238. URL: https://www.onacademic.com/detail/journal_1000037336574710_7701.html

11. Сомкин А. А., Сомкина Н. А. Парадигмальный подход в современной философии [Электронный ресурс] // Наука и культура России. 2014. № 1. С. 115–117. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22476550>

12. Суворов Г. В. Методологические проблемы формирования парадигм гуманитарного знания. Киров: Вятский гос. ун-т, 2021. 195 с. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44848133>

13. Устинов О. А. Становление философской антропологии в СССР: историко-философский анализ // Вестник Пермского ун-та. Философия. Психология. Социология. 2019. Вып. 4. С. 492–503. DOI: <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-492-503>

14. Anand G., Larson E. C., Mahoney J. T. Thomas Kuhn on Paradigms // Production and Operations Management. 2020. Vol. 29 (7). P. 1650–1657. DOI: <https://doi.org/10.1111/poms.13188>

15. Fish W. Perceptual Paradigms // Purpose and Procedure in Philosophy of Perception. Oxford: Oxford University Press, 2021. P. 23–42. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198853534.003.0002>

16. Grim P., Kavner J., Shatkin L., Trivedi M. Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades [Electronic resource] // Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application.

East Lansing: University of Michigan Press, 2021. P. 301–325. URL: <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid>

17. Jabko N., Schmidt S. Paradigms and Practice // *International Studies Quarterly*. 2021. Vol. 65 (3). P. 565–572. DOI: <https://doi.org/10.1093/isq/sqab028>

18. Klang P. Kuhns paradigmbegrepp och sprakvetenskapen // *Sprak och Stil*. 2019. Vol. 29. P. 233–260. DOI: <https://doi.org/10.33063/DIVA-399065>

19. Laszlo E. Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought. London: Routledge Revivals, 2021. 356 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003205586>

20. Pirozelli P. The grounds of knowledge: a comparison between kuhn's paradigms and foucault's epistemes // *Kriterion (Brazil)*. 2021. Vol. 62 (148). P. 277–304. DOI: <https://doi.org/10.1590/0100-512X2021N14813PP>

21. Schwartz S. A. Kuhn, Consciousness, and Paradigms // *Explore*. 2018. Vol. 14 (4). P. 254–261. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.explore.2018.04.004>

22. Sciortino L. The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking // *Studies in History and Philosophy of Science*. 2021. Vol. 88. P. 128–137. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>

23. Sönning L., Werner V. The replication crisis, scientific revolutions, and linguistics // *Linguistics*. 2021. Vol. 59 (5). P. 1179–1206. DOI: <https://doi.org/10.1515/ling-2019-0045>

24. Thomas R. Keynes, Kuhn and the sociology of knowledge: A comment on Pernecky and Wojick // *Cambridge Journal of Economics*. 2020. Vol. 44 (6). P. 1415–1424. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/beaa016>

25. Trubody B. The Structure of Scientific Fraud: The Relationship Between Paradigms and Misconduct // *Synthese Library*. 2019. Vol. 413. P. 67–83. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-030-23769-1_5

26. Yang G. The Paradigm Shift of Political Science from Being «Change-oriented» to «Governance-oriented»: A Perspective on History of Political Science // *Chinese Political Science Review*. 2021. Vol. 6 (4). P. 506–545. DOI: <https://doi.org/10.1007/s41111-021-00188-z>

References

1. Arshinov, V. I. (2021). E' volyuciya antropocentrizma v perspektive slozhnostnogo podxoda [The evolution of anthropocentrism in the perspective of a complex approach]. *Questions of philosophy*, 10, 44–48. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-44-48>

2. Babintsev, V. P., & Krivenko, O. A. (2011). Ponyatie religiozno-filosofskoy i filosofsko-nauchnoj antropologicheskix paradigim v russkoj filosofii [The concept of religious-philosophical and philosophical-scientific anthropological paradigms in Russian philosophy]. *Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology*, 8 (103), 16, 30–43. (In Russian). Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-religiozno-filosofskoy-i-filosofsko-nauchnoy-antropologicheskix-paradigim-v-russkoj-filosofii>

3. Birich, I. A. (2003). *Filosofskaya antropologiya i obrazovanie: (na putyax k novomu pedagogicheskomu soznaniyu)* [Philosophical anthropology and education: (on the way to a new pedagogical consciousness)]. Moscow: Life and Thought. 272 p. (In Russian). <https://search.rsl.ru/ru/record/01002354262>

4. Budanov, V. G. (2021). K voprosu o genezise Bol'shogo antropologicheskogo perekhoda [On the genesis of the Great Anthropological Transition]. *Questions of philosophy*, 10, 40–43. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-10-40-43>

5. Ermolaeva, O. A. (2008). Osnovny'e principy', metody' i urovni sovremennogo paradigmalnogo podxoda [Basic principles, methods and levels of the modern paradigm approach]. *Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N. I. Lobachevsky. Series: Social Sciences, 1* (9), 163–168. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12499729>
6. Korsakov, S. N. (2015) Mify' i istiny' v russkoj filosofii [Myths and truths in Russian philosophy]. *Questions of philosophy, 5*, 69–85. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23447380>
7. Kotlyarova, V. V. (2014). Paradigmaly'ny'j podxod v zarubezhnoj filosofii: pro et contra [Paradigmatic approach in foreign philosophy: pro et contra]. *Almanac of modern Science and education, 10* (8), 90–94. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21961156>
8. Maslanov, E. V. (2020). Revolyucionnaya konservativnost' normal'noj nauki [Revolutionary conservatism of normal science]. *Questions of philosophy, 12*, 157–160. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-157-160>
9. Nikiforov, A. L. (2020). T. Kun ob interpretacii i ponimanii [T. Kuhn on interpretation and understanding]. *Questions of philosophy, 12*, 161–164. (In Russian). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-12-161-164>
10. Prosvetov, S. Yu. (2013). Struktura istoriko-filosofskoj paradigmy' [The structure of the historical and philosophical paradigm]. *Bulletin of Kemerovo State University. Journal of Theoretical and Applied Research, 2* (54), 1, 234–238. (In Russian). https://www.onacademic.com/detail/journal_1000037336574710_7701.html
11. Somkin, A. A., & Somkina, N. A. (2014). Paradigmaly'ny'j podxod v sovremennoj filosofii [Paradigmatic approach in modern philosophy]. *Science and culture of Russia, 1*, 115–117. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22476550>
12. Suvorov, G. V. (2021). *Metodologicheskie problemy' formirovaniya paradigmy' gumanitarnogo znaniya* [Methodological problems of formation of paradigms of humanitarian knowledge]. Kirov: Vyatka State University. 195 p. (In Russian). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44848133>
13. Ustinov, O. A. (2019). Stanovlenie filosofskoj antropologii v SSSR: istoriko-filosofskij analiz [The formation of philosophical anthropology in the USSR: historical and philosophical analysis]. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology, 4*, 492–503. (In Russian). <https://doi.org/10.17072/2078-7898/2019-4-492-503>
14. Anand, G., Larson, E. C. & Mahoney, J. T. (2020). Thomas Kuhn on Paradigms. *Production and Operations Management, 29* (7), 1650–1657. <https://doi.org/10.1111/poms.13188>
15. Fish, W. (2021). Perceptual Paradigms. In *Purpose and Procedure in Philosophy of Perception* (p. 23–42). Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780198853534.003.0002>
16. Grim, P., Kavner, J., Shatkin, L., & Trivedi, M. (2021). Philosophy of science, network theory and conceptual change: Paradigm shifts as information cascades. In *Complex Systems in the Social and Behavioral Sciences: Theory, Method and Application* (p. 301–325). East Lansing: University of Michigan Press. <https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2>
17. Jabko, N., & Schmidt, S. (2021). Paradigms and Practice. *International Studies Quarterly, 65* (3), 565–572. <https://doi.org/10.1093/isq/sqab028>

18. Klang, P. (2019) Kuhns paradigmbegrepp och sprakvetenskapen. *Sprak och Stil*, 29, 233–260. <https://doi.org/10.33063/DIVA-399065>
19. Laszlo, E. (2021) *Introduction to systems philosophy: Toward a new paradigm of contemporary thought*. London: Routledge Revivals. <https://doi.org/10.4324/9781003205586>
20. Pirozelli, P. (2021) The grounds of knowledge: a comparison between Kuhn's paradigms and Foucault's epistemes. *Kriterion (Brazil)*, 62 (148), 277–304. <https://doi.org/10.1590/0100-512X2021N14813PP>
21. Schwartz, S. A. (2018). Kuhn, Consciousness, and Paradigms. *Explore*, 14 (4), 254–261. <https://doi.org/10.1016/j.explore.2018.04.004>
22. Sciortino, L. (2021). The emergence of objectivity: Fleck, Foucault, Kuhn and Hacking. *Studies in History and Philosophy of Science*, 88, 128–137. <https://doi.org/10.1016/j.shpsa.2021.06.005>
23. Sönning, L., & Werner, V. (2021). The replication crisis, scientific revolutions, and linguistics. *Linguistics*, 59 (5), 1179–1206. <https://doi.org/10.1515/ling-2019-0045>
24. Thomas, R. (2020). Keynes, Kuhn and the sociology of knowledge: A comment on Pernecky and Wojick. *Cambridge Journal of Economics*, 44 (6), 1415–1424. <https://doi.org/10.1093/cje/beaa016>
25. Trubody, B. (2019). The Structure of Scientific Fraud: The Relationship Between Paradigms and Misconduct. *Synthese Library*, 413, 67–83. https://doi.org/10.1007/978-3-030-23769-1_5
26. Yang, G. (2021). The Paradigm Shift of Political Science from Being «Change-oriented» to «Governance-oriented»: A Perspective on History of Political Science. *Chinese Political Science Review*, 6 (4), 506–545. <https://doi.org/10.1007/s41111-021-00188-z>

Информация об авторе / Information about the author:

Устинов Олег Александрович — кандидат философских наук, руководитель литературно-драматической части, культурно-просветительский центр «Дубрава» им. протоиерея Александра Меня,

Сергиев Посад Московской области, Россия, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>

Ustinov Oleg Aleksandrovich — PhD (Philosophy), head of the literary and dramatic part of the Cultural and Educational Center «Dubrava» named after Archpriest Alexander Men, Sergiev Posad, Moscow region, Russia, 141308,
olustinov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2994-2339>